

ЭПИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ ПУДОЖСКОГО КРАЯ

Ю. НОВИКОВ

Онего-Каргопольский край (бывшая Олонецкая губерния) занимает почетное место на фольклорной карте России. Здесь собраны тысячи сказок и песен, похоронных плачей и свадебных причитаний, произведений других жанров устного народного творчества. Но главное богатство олонецкого фольклора — эпические песни. Былинная традиция, через века пронесенная многими поколениями сказителей, создала этому краю славу «Исландии русского эпоса». Одним из крупнейших в Онего-Каргопольщине центров бытования былины является Пудоба — обширный район к востоку от Онежского озера.

Вопрос о своеобразии эпической традиции Пудожского края, об особенностях его былинного репертуара не раз ставился в работах советских фольклористов¹. Среди них выделяется содержательная, основанная на богатом фактическом материале статья В. И. Чичерова «Сказители Онего-Каргопольщины и их былины»². Вернуться к этой

¹ При ссылках на источники текстов, вступительные статьи к сборникам и комментариям нами приняты следующие сокращения:

Аст. — Былины Севера. Подготовка текста и комментарий А. М. Астаховой, т. II, М.—Л., 1951.

Г. — Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года, изд. 4, тт. I—III, М.—Л., 1949—1951.

К.—Песни собранные П. В. Киреевским, вып. I—V, М., 1860—1863.

Лин.—Сказитель Ф. А. Конашков. Подготовка текстов, вводная статья и комментарий А. М. Линевского. Под ред. А. М. Астаховой, Петрозаводск, 1948.

М. — Былины повой и недавней записи из разных местностей России, под ред. В. Ф. Миллера, М., 1908.

ПНЯЛП — Архив Петрозаводского института языка, литературы и истории АН СССР, разряд III, опись I, Русский фольклор (первая цифра — номер коллекции, вторая — порядковый номер текста).

П.—С. — Былины Пудожского края. Подготовка текстов, статья и примечания Г. Н. Париковой и А. Д. Соимонова. Предисл. и ред. А. М. Астаховой, Петрозаводск, 1941.

Р. — Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Изд. 2, тт. I—II, М., 1909—1910.

С.—Ч. — Онежские былины. Подбор былин и научная редакция текстов акад. Ю. М. Соколова. Подготовка текстов к печати, примечания и словарь В. Чичерова, М., 1948.

Т.—М. — Н. С. Тихонравов и В. Ф. Миллер. Русские былины старой и новой записи, М., 1894 (ссылки даются на тексты из отдела II).

² С.—Ч., стр. 32—65.

теме нас побудили два обстоятельства. Во-первых, В. И. Чичеров подготовил свое исследование к печати еще до войны; после этого в научный оборот были введены записи 30-х годов, интересные материалы собраны также в 40—50-х годах экспедиционными отрядами Петрозаводского института языка, литературы и истории АН СССР, Московского и Петрозаводского университетов. Новые данные существенно меняют представление о некоторых сторонах бытования эпической поэзии в Олонецком крае, в частности, на Пудогге. Во-вторых, не все выводы исследователя можно принять безоговорочно из-за преувеличения роли выдающихся мастеров-сказителей в формировании местной традиции, неточностей в подсчетах при сопоставлении эпического материала из разных районов³.

Прежде всего, вызывает возражения главный вывод В. И. Чичерова: «Видимо, до 80-х гг., по крайней мере, эпическое творчество Пудогги находилось в зародышевом, дремотном состоянии. Развитие эпической традиции в этих местах приходится на конец XIX — начало XX ст.»⁴. Достаточно вспомнить сообщение П. Н. Рыбникова о том, что в начале XIX века «былевые песни были в большом ходу и большой чести у всего Пудожского городского населения», купцы, мещане и даже чиновники «сходились по вечерам на беседы, чтобы слушать былины»⁵. Не приходится сомневаться, что эпическая поэзия была в еще «большей чести» у крестьян — главных творцов и хранителей фольклорной традиции. Тот же Рыбников свидетельствует: «В Заонежье и на Пудожском побережье у всякого смышленого пожилого человека отыщется в памяти одна-две былины...»⁶.

Ниже мы попытаемся на основе сравнительного анализа олонецких записей выявить специфику пудожского эпического репертуара, местные редакции отдельных сюжетов. Сам факт их существования говорит о древности местной традиции, ибо для выработки и широкого распространения своеобразных редакций и версий былин нужен продолжительный отрезок времени. Для большей наглядности данные о бытова-

³ В. И. Чичеров не учитывает сюжеты, входящие в состав контаминированных текстов, что порой приводит его к ошибочным суждениям о репертуаре отдельных районов. В статье, например, говорится, что известная на Пудогге и Кенозере былина «Гибель богатырей» не зафиксирована в Заонежье. Этот сюжет находим (в соединении с другими былинами) у заонежских сказителей В. Щеголенка (Р., 74; Г., 121), Д. Сурикова (Г., 138), П. Макаровой и П. Пастуховой (Г., 168), А. Сурикова (С.—Ч., 131). К «особым старинам» Пудогги В. И. Чичеров причисляет лишь два сюжета — «Исцеление Ильи» и «Илья и Святогор» (С.—Ч., стр. 56). Между тем уже в собраниях Рыбникова и Гильфердинга опубликован целый ряд пудожских былин, не встречающихся или крайне редких в других районах Онего-Каргопольщины.

⁴ С.—Ч., стр. 56.

⁵ Р., т. 1, стр. LXXXVI.

⁶ Р., т. 1, стр. CI.

нии различных сюжетов в Олонецком крае сведены нами в общую таблицу⁷.

Как видно из таблицы, Пудога по богатству своего эпического репертуара не уступает Заонежью (Кижам), значительно превосходя Кенозеро, Каргополье и Повенец-Толвуй. Соотношение между героическими и новеллистическими былинами здесь примерно такое же, как и в других районах Олонецкого края, — на долю героических песен, повествующих о борьбе с внешними врагами, приходится чуть больше трети всех записей. Вместе с тем нельзя не отметить своеобразия и архаичности пудожской традиции, сохранившей в устном бытовании до конца XIX или даже до середины XX столетия редкие былины, известные в единичных записях, — «Волх Всеславьевич», «Сухман», «Герентий-гость», «Суровец-Суздадец», «Непра и Дон», «Калика-богатырь». Некоторые популярные на Пудогe сюжеты в соседних районах встречаются гораздо реже («Соловей Будимирович», «Наезд литовцев», «Исцеление Ильи», «Илья и Святогор», «Ссора Ильи с Владимиром»).

Среди перечисленных выше сюжетов особняком стоят «Непра и Дон» и «Калика-богатырь», не привлекавшие внимания исследователей русского эпоса. На наш взгляд, обе эти былины являются позднейшими новообразованиями, в самостоятельные произведения они оформились сравнительно недавно.

Былина о подвигах калики-богатыря записана всего дважды — от Т. Иевлева, внука знаменитого заонежского сказителя Ильи Елустафьева (Г., 101), и от водлозерского певца Т. Суханова (Г., 207). Оба варианта принадлежат к одной редакции, в них немало текстуальных совпадений. Учитывая удаленность Водлозера от Кижей, данный сюжет следует признать традиционным для Прионежья, а не индивидуальной композицией какого-либо сказителя. Просто он не прижился в эпическом репертуаре и был вытеснен другими, более совершенными в

⁷ При составлении таблицы использованы все известные нам публикации олонечких былин, а также все пудожские тексты, хранящиеся в архивах ПИЯЛИ АН СССР и кафедры народного творчества МГУ. Контаминированные варианты расчленены, отдельно взят на учет каждый сюжет. Повторные записи, как правило, не фиксируются. Исключение сделано только для тех случаев, когда одна и та же былина записана от какого-то сказителя в двух разных редакциях (таких случаев набралось 10, в таблице они отмечены звездочками). В эпический репертуар Олонецкого края не включены индивидуальные новообразования и позднейшие былинные обработки сказок, преданий и легенд («Настасья Никулична на Соколе-корабле», «Нерассказанный сон», «Еруслан Лазаревич», «Молодость царя Соломона», «Рахта Рагнозерский» и т. п.), пародии на былины и примыкающие к сказочному эпосу небылицы, а также явно фальсифицированные тексты из бывш. Лодейнопольского уезда (Р., 214—216). Тексты с западного берега Онежского озера включены в графу «Кижь». Вариант «Чурилы и Катерины» (Т.—М., 48), записанный Е. В. Барсовым в Обонежье (точное место записи собиратель не указывает), мы сочли возможным отнести к повенецко-толвуйской традиции, поскольку он даже в деталях повторяет местную редакцию этого сюжета.

№ п.п.	Сюжеты былин	Заонежье (Киж)	Повенец-Толву́й	Пудога	Кенозеро	Каргополье	Моша	Выгозеро	Вытегра	Место записи неизвестно
1	Алеша и Тугарин	4*	—	3	—	—	—	—	—	—
2	Братья Дородовичи	—	—	—	2	—	—	—	—	—
3	Молодость Василия Буслаевича	8	2	10	7	1	—	—	—	—
4	Смерть Василия Буслаевича	6	1	7	4	1	—	—	—	—
5	Василий Игнатьевич и Батыга	2	2	7	2	1	—	2	—	1
6	Волх Всеславьевич	1	1	2	—	—	—	—	—	—
7	Вольга и Микула	13	3	8	1	—	—	—	—	—
8	Гибель богатырей	4	—	3	1	—	—	—	—	—
9	Добрыня и Алеша	19	10	68	12	2	2	1	—	—
10	Добрыня и Василий Казимирович	5	—	3	—	—	—	—	—	—
11	Добрыня и змей	8	1	10	4	—	—	1	—	—
12	Добрыня и Маринка	4	2	7	10	3	2	—	—	—
13	Добрыня и Настасья	2	1	8	—	—	—	—	—	—
14	Добрыня и Скимен-зверь	—	—	—	1	—	—	—	—	—
15	Дунай	16	3	5	2	—	—	—	—	—
16	Дюк Степанович	12	4	25	12	2	—	1	—	—
17	Женитьба Владимира	1	—	—	—	—	—	—	—	—
18	Иван Гоудинович	3	—	6	4	1	—	3	—	—
19	Иван гостинный сын	3	—	1	2	—	1	—	—	—
20	Илья в ссоре с Владимиром	4*	—	20**	12	1	—	—	—	—
21	Илья и Идолице	8	1	14	5	1	—	2	—	—
22	Илья и Калин-царь	15*	1	15	2	1	1	1	1	—
23	Илья и Святогор	4	2	16	4	—	—	—	—	—
24	Илья и Сокольник	4	—	7	6	1	—	—	1	—
25	Илья и Соловей-разбойник	12	3	43	3	1	—	1	—	—
26	Илья Муромец, исцеление	4	1	23	3	1	—	—	—	—
27	Илья Муромец, три поездки	2	—	15	18	—	1	2	—	—
28	Калика-богатырь	1	—	1	—	—	—	—	—	—
29	Королевичи из Крякова	8	—	1	—	1	—	1	—	—
30	Михайло Данилович	—	1	—	—	—	—	1	—	—
31	Михайло Потык	5*	4	7	—	—	—	—	—	—
32	Молодец и худая жена	14	—	4	—	—	—	1	—	—
33	Наезд литовцев	3	2	10	—	—	—	—	—	—

№ п.п.	Сюжеты былин	Заонежье (Кижки)	Повенец-Толууй	Пудога	Кенозеро	Каргополье	Моша	Выгозеро	Вытегра	Место записи неизвестно
34	Непра и Дон	—	—	6	—	—	—	—	—	—
35	Птицы	8	—	2	5	—	—	—	—	—
36	Садко	4	2	5	—	—	—	1	—	—
37	Святогор и тяга земная	4	—	2	2	—	—	1	—	—
38	Соловей Будимирович	—	2	11	—	—	—	—	—	1
39	Соломон и Василий Окулович	10	—	6	6	—	—	—	—	—
40	Сорок калик	3	—	4	1	1	—	1	—	—
41	Ставр Гоудинович	16*	4	25	—	—	—	—	—	—
42	Старина о большом быке	—	—	—	1	1	—	—	—	—
43	Суровец-Суздалец	—	—	1	—	—	—	—	—	—
44	Сухман	—	—	9*	—	—	—	—	—	—
45	Терентий-гость	—	—	1	—	1	—	—	—	—
46	Хотен Блудович	7	2	2	2	1	1	—	—	—
47	Молодость Чурилы	—	—	2	6	1	—	—	—	—
48	Чурила и Катерина	12*	6	14*	7	2	1	1	—	—
Всего по районам: сюжетов		38	24	43	30	20	7	16	2	2
вариантов		259	61	439	147	25	9	21	2	2

идейном и художественном отношении былинами о борьбе киевских богатырей с татарами. В «Калике-богатыре» главный герой безымянный, что не характерно для былин и свидетельствует о сравнительно позднем возникновении сюжета.

Текст Иевлева уступает сухановскому по объему (74 стиха против 120), в нем встречаются дефектные места, повествование не доведено до логического конца. Узнав от калики о приближении татарских полчищ, богатыри «сделали во городе во Киеве осторожности великин», рассказа о разгроме врага нет. В варианте Суханова калика-богатырь вместе с Ильей Муромцем и Добрыней Никитичем уничтожает захватчиков, причем калике доверено почетное право бить татар на главном направлении:

107 Поезжат казак Илья Муромец
 Во тую ли силу в великую,
 Во тую ли силу правой рукой,
 Добрыня Микитич левой рукой,
 Калика шла серёдочкой.

Подчеркнутая героизация калики позволяет считать создателями этой эпической песни калик переходных — профессиональных певцов духовных стихов.

В обоих вариантах рассматриваемой былины описание похищения каликой татарина и его допроса почти дословно совпадает с соответствующим эпизодом одной из пудожских редакций «Илья и Идолища»⁸. Поэтому вполне возможно, что сюжет «Калики-богатыря» сложился на основе отпочковавшегося вступления к «Илье и Идолищу», которое было дополнено сценой разгрома татар, заимствованной из былины «Илья и Калин».

Второй сюжет — «Непра и Дон» — представляет собой переработку заключительной части былины «Дунай» (хвастовство на пиру, состязание в стрельбе из лука, трагическая гибель Дуная и его жены). События в этой былине развиваются в такой же последовательности, как и в финальной сцене «Дуная», заменены лишь имена главных героев: место Дуная Ивановича занимает Дон Иванович, а Настасья-королевичны — Непра-королевична. Генетическая связь сюжета «Непра и Дон» с «Дунаем» подтверждается тем, что сказители обычно называют главного героя «тихий Дон Иванович». Насколько нам известно, Дунай — единственный в русском эпосе богатырь, к имени которого прилагается эпитет «тихий».

Собиратели зарегистрировали бытование этой былины только на Купецком озере. Первые записи сделаны от Никифора Прохорова (Утицы) П. Рыбниковым (Р., 121) и А. Гильфердингом (Г., 50). К его текстам восходят варианты Г. Якушова (С.—Ч., 16), С. Якушовой (ПИЯЛИ, к. 6, № 91), И. Фофанова (ПИЯЛИ, к. 2, № 46), Н. Ремизова (П.—С., 33) и К. Ремизовой (ПИЯЛИ, к. 21, № 134).

О происхождении былины «Непра и Дон» трудно судить из-за недостатка материала. Возможно, это новообразование принадлежит Н. Прохорову. Но Утица вполне мог усвоить данный сюжет и от кого-либо из своих учителей. Во всяком случае, имя Дона Ивановича известно не только по пудожским материалам: в былине «Илья и Калин», записанной в бывшей Петербургской губернии, Дон Иванович упоминается в числе богатырей, стоявших на заставе у Киева⁹.

Несомненный интерес представляет также былина «Наезд литовцев», повествующая об отражении набега воинственных соседей на Русь. Сохранилась она только в Прионежье (15 вариантов, в том числе 10 пудожских) и на Печоре (3 варианта). Сравнительно широкая распространенность этого сюжета в Прионежье, вероятно, отчасти объясняется тем, что в этих местах очень долго сохранялась память о борь-

⁸ См. тексты сказителей с Купецкого озера Н. Прохорова (Р., 118; Г., 48), Г. Якушова (С.—Ч., 6), И. Фофанова (П.—С., 18) и других.

⁹ К., 1, стр. 58, 60 и 61.

бе русских с литовцами. В героических былинах и старших исторических песнях «Литва поганая» (т. е. языческая) или «Литва хорóбрая» заслоняет всех этнических противников Руси, кроме татар. Литва и литовцы упоминаются в некоторых новеллистических былинах («Добрыня и Алеша», «Дунай», «Михайло Потык») и балладах («Молодец и королева»). Наконец, на всей территории Олонецкого края и особенно в Прионежье необычайно популярны были предания о «панах» и «литовцах»¹⁰, причем литовцами очень часто называли всех иноземных участников польско-шведской интервенции начала XVII века.

Многочисленные предания о литовцах в какой-то мере поддерживали в Прионежье интерес к былине «Наезд литовцев» и способствовали ее сохранению в устном бытовании вплоть до середины нашего века¹¹.

Характеризуя прионежскую эпическую традицию, А. М. Астахова подчеркивает «ярко выраженную социальную тенденцию к снижению образа князя»¹². Развивая эту мысль, можно отметить, что антикняжеские настроения особенно сильны в пудожских записях. Эпический репертуар Пудогы содержит все известные олонецкой традиции сюжеты, в которых социальные мотивы играют заметную роль. Во многих былинах князь предстает перед нами как жалкий трус, неспособный организовать защиту Киева («Илья и Калин», «Илья и Сокольник», «Василий Игнатьевич и Батыга», «Добрыня и Василий Казимирович»); за взятки он готов поддержать в споре неправую сторону («Хотен Блудович»), забыть о совершенных преступлениях («Молодость Чурилы»), отпустить на волю злейшего врага русских людей («Илья и Соловей»). Посрамлением князя заканчиваются его редкие попытки принять личное участие в каких-либо состязаниях («Иван гостиный сын», некоторые варианты «Ставра»), терпит поражение и его ставленник Чурила («Дюк»). Объектом язвительных насмешек становится Владимир в былине о Ставре, неблагоприятная роль отведена ему в «Добрыне и Алеше».

Сказители не жалуют почтением и ближайших родственников князя. Его племянник, блестящий рыцарь Вольга вынужден признать физическое и моральное превосходство простого крестьянина-пахаря («Вольга и Микула»); с явной иронией изображено «самопросватанье» легкомысленной племянницы князя Забавы Путятичны («Соловей Будимирович»); сурово осуждается похотливая и коварная жена Владимира княгиня Апраксия («Сорок калик»).

¹⁰ См., например, публикации в «Олонецких губернских ведомостях»: 1845 г., № 5; 1856 г., № 17; 1857 г., №№ 20, 22, 23; 1860 г., №№ 1, 21 и т. д.

¹¹ Последняя по времени запись этой былинны сделана на Пудогe в 1945 году (вариант А. Портнягина — ПИЯЛИ, к. 17, № 97).

¹² А. М. Астахова. Русский былинный эпос на Севере, Петрозаводск, 1948, стр. 350. (Далее: Былинный эпос).

Следует отметить, что ни в одном из соседних районов нет такого богатого «ассортимента» сюжетов, пронизанных антикняжескими настроениями. Лучшие пудожские певцы даже в «нейтральных» былинах не упускают случая подчеркнуть несправедливость князя, его корыстолюбие. Получив награду за освобождение Царьграда от Идолища Поганого, Илья Муромец говорит:

170 Благодарствуешь, царь Костянтин Боголюбович!
Послужил я у тя только три часа,
А выслужил слово сладкое, уветливое,
Уветливое слово, приветливое,
А хлеб-соль мягкую.
Служил-то я у князя Владимира,
Служил я ровно тридцать лет,
А не выслужил слова сладкого, уветливаго,
Уветливаго слова, приветливаго,
А хлеба-соли мягкия.

(Н. Прохоров — Г., 118)

Близкую параллель находим в былине И. Фепонова «Добрыня и змей» (Г., 59). В трудном бою богатырь побеждает чудовище и спасает дочь князя Владимира —

377 Ай за тую-то за выслугу великую
Князь его нечим не жаловал.

Симпатии и антипатии русского крестьянства эпохи феодализма, его отношение к власти имущим наиболее рельефно отразились в былинах «Сухман» и «Ссора Ильи с Владимиром» («Илья и голи кабацкие»). Финальная сцена «Сухмана», бесспорно, является одной из художественных вершин русского эпоса. Оскорбленный недоверием Владимира, богатырь отказывается принять от него запоздалые «милости», он вынимает маковые листочки из ран, полученных в битве с татарами, и истекает кровью. Трагическая гибель Сухмана — суровый приговор княжескому деспотизму. Лучшие варианты этой былины записаны на Пудогге, в других районах Онего-Каргопольщины собирателям она не встретилась.

На протяжении последнего столетия Пудога оставалась также главным центром бытования эпических песен о бунте Ильи Муромца против князя Владимира — на ее долю приходится 20 из 37 олонечских вариантов. Этот сюжет зафиксирован здесь в четырех разных редакциях. 6 текстов представляют собой самостоятельные былины о ссоре Ильи с князем (Владимир забывает пригласить Илью на пир; разгневанный богатырь стреляет по церковным маковкам, пирует с голями кабацкими; князь мирится с ним при посредничестве Добрыни). Вторая обработка сюжета (4 варианта) служит своеобразным прологом к былине «Илья и Калин» (по приказу Владимира Илья брошен в «погребя глубокие», князь вспоминает о нем лишь во время татарского

нашествия на Киев). Третья редакция — «Илья и голи кабацкие» — известна в записях от колодозерского старика (Р., 165) и его соседа Т. Романова (Р., 140, 142). В ней внимание сосредоточено на столкновении богатыря с княжескими целовальниками — содержателями кабаков, которые отказываются напоить Илью вином под залог нательного креста. Оба исполнителя соединяют этот сюжет с другими былинами («Илья и Идолыще», «Три поездки Ильи»).

Наибольшей остроты конфликт между богатырем и князем достигает в тексте сумозерского сказителя Андрея Сорокина (Р., 127). Певец искусно вводит развернутую сцену ссоры в былинку «Илья и Соловей», углубляя тем самым образ главного героя и окончательно развенчивая князя Владимира как самодура и деспота. Столкновение происходит прямо на пиру и в конце концов завершается примирением, но князь платит за него дорогую цену, принимая выдвинутые богатырем жесткие условия. Впрочем, у него нет другого выхода, ибо Илья недвусмысленно предупреждает Добрыню-парламентера:

562 Ежели не сделает князь по моему,
То он процарствует только до утрия!

В такой редакции былины о бунте Ильи против Владимира (в контаминации с сюжетом «Илья и Соловей») записана на Пудогге от 8 сказителей.

Для сравнения заметим, что на повенецко-толвуйском побережье «Ссора Ильи с Владимиром» не зафиксирована собирателями, в Книжке найдены единичные тексты (причем былины В. Амосова и П. И. Рябинина—Андреева восходят к книжным источникам¹³), в Каргополье — I вариант. На Кенозере, где сделано 12 записей, широко распространение получила третья редакция сюжета («Илья и голи кабацкие»), в которой богатырь противопоставлен не князю, а его слугам. Известна кенозерам и другая редакция былины (в контаминации с «Ильей и Калином»), но и здесь социальные мотивы несколько приглушены. В обоих вариантах (Г., 257, 296) Владимир изображается обманутым: он заключает Илью в темницу, поверив навету своих слуг.

Приведенные выше факты свидетельствуют о том, что антикняжеская направленность является одной из важнейших особенностей пудожской эпической традиции. И не случайно от некоторых сказителей былины о бунте Ильи записаны в двух разных редакциях¹⁴.

Своеобразие пудожской эпической традиции выразилось также в формировании местных изводов и редакций ряда былин. По нашим

¹³ См. об этом: Былинный эпос, стр. 314.

¹⁴ См. варианты Ф. Конашкова (1-я редакция — С.—Ч., 78; Лин., 4; 2-я редакция — С.—Ч., 77; Лин. 3 и 3а) и Н. Ремизова (1-я редакция — П.—С., 33; 2-я редакция — П.—С., 32). Обе эти редакции были известны также заонежскому певцу Т. Рябинину (Г., 75, 76).

наблюдениям, каждый третий сюжет, зафиксированный собирателями на Пудогге, характеризуется устойчивой комбинацией мотивов, не встречающихся в других районах Онего-Каргопольщины, оригинальными подробностями, постоянными формулами, именами собственными и т. д. Разумеется, не все эти редакции являются общими для всей Пудогги, порой их распространение ограничивается группой соседних деревень¹⁵.

Показательна в этом отношении былина «Добрыня и Алеша» — самая популярная на русском Севере. Анализируя особенности областных эпических традиций, А. М. Астахова отмечает: «Вследствие широкого распространения былины («Добрыня и Алеша» — Ю. Н.) находим большое количество композиционных вариаций. По преимущественному использованию тех или иных мотивов обособляются некоторые группы, хотя резко очерченных областных типов нет»¹⁶. Сопоставление олонечских текстов, привлечение новейших записей позволяет расшифровать и уточнить выводы А. М. Астаховой. Чтобы яснее представить себе специфику пудожских редакций «Добрыни и Алеши», кратко охарактеризуем записи, сделанные в соседних районах.

Заонежно-повенецкие варианты этой былины во многом сходны. В них единственным «театром действия» является Киев, обычно не рассказывается о том, что делает Добрыня в отъезде, часто не указывается даже, куда и зачем он едет. Некоторые сказители «заполняют вакуум», соединяя сюжеты «Добрыня и Алеша» и «Добрыня и Василий Казимирович»¹⁷. Роль князя Владимира, как правило, незначительна. Правда, он нередко участвует в сватовстве, и Добрыня на неудавшемся свадебном пиру «выговаривает» князю:

214 Я не дивую женскому глупому розуму, —
Точно у жонки волос долог да ум короток. —
Я дивую вашему царскому розуму,
Что от живаго мужа вы берете за другого.
(Г., 33)

Однако только в 5 вариантах подчеркивается, что Настасью выдают замуж «силой», «неволею».

¹⁵ Следует оговорить, что некоторые особенности, характерные для местных эпических традиций, уходят своими корнями в глубокую древность. Архаичные сюжеты и их редакции, редкие мотивы, некогда широко распространенные в Онего-Каргопольском крае или на всем европейском Севере России, иногда сохранились и получали дальнейшее развитие в каких-то замкнутых районах, далеко отстоящих друг от друга. Именно этим в первую очередь объясняется тот факт, что своеобразные детали, отличающие пудожские варианты от других олонечских текстов, подчас обнаруживаются в былинах, записанных в Поморье, на Печоре, Мезени и даже в Поволжье и Западной Сибири.

¹⁶ Аст., т. II, стр. 722.

¹⁷ См., например: Г., 80; С.—Ч., 97, 108 и ряд других вариантов.

Слуги Владимира обычно не пускают Добрыню на пир, он подкупает их или же силой врывается в «палаты княженецкие». О предстоящей свадьбе Алеши и Настасьи Добрыне сообщают то калики перехожие, то его служанка, обернувшаяся колпницей, а чаще всего — голуби или конь, который вдруг спотыкается во время езды. В 10 вариантах Добрыня возвращается в Киев, вообще ничего не зная о судьбе жены. Сцена узнавания Добрыни матерью есть лишь у двух певиц — А. Ястребовой (Аст., 129) и П. Филипповой (С.—Ч., 120; Аст., 163). Для заонежско-повенецкой редакции характерна такая деталь — повинившись Добрыне, Настасья говорит: «Муж по дрова, а жена за муж ушла!» (иногда эту формулу произносит Добрыня).

На Кенозере и в Каргополье в былинку вводится описание боя Добрыни с Бабой-Ягой или Невежей. Этот эпизод имеется даже в ряде дефектных, полузабытых вариантов, что свидетельствует о его традиционности и устойчивости. В роли вестника неизменно выступает Илья Муромец. Во всех текстах хорошей сохранности рассказывается о том, как мать узнала сына по «знамени», «пятнам родимым» и т. п.

Князя Владимира кенозеры выставляют в неприглядном свете — он не только поддерживает сватовство Алеши, часто именно по его инициативе жених прибегает к насилию. Владимир прямо советует ему:

100 Подь-ко ты, Олешенька, ты сватайси,
Добром идет, так добром бери,
Добром не идет, так заббём бери,
Силою-правдою богатырскою,
Великой грозой княженицькою.
(С.—Ч., 249)

В лучших кенозерских вариантах отповедь Добрыни князю звучит гораздо резче, нежели у сказителей Заонежья и Повенца:

202 Да свет государь ты Владимир князь!
Кабы ты-де был а не Владимир князь,
Назвал бы тебя я ужо сводником,
Да государыню княгиню бы я сводницею.
(Г., 222)

К числу характерных для кенозерских редакций деталей принадлежат следующие: давая наказ жене перед отъездом, Добрыня нередко называет Алешу «вором-собакой»; в сцене расправы Добрыни с Алешей употребляется весьма выразительная формула — «во бұханье не слышно было о́ханья, и во о́ханье не слышно было бұханья». В текстах из Заонежья и Повенца эта формула встретилась нам только у А. Чукова (Г., 149) и П. Калинина (Г., 5), в несколько измененном виде — у А. Тимофеева (Г., 38).

В пудожских записях нет такого единообразия, как в заонежско-по-венецких и кенозерско-каргопольских, варианты распадаются на несколько редакций. Однако все былины объединяет одна общая черта: внимание в них сосредоточено не только на развитии отношений между Добрыней, Настасьей и Алешей, но и на взаимоотношениях Добрыни с матерью. Сцена возвращения богатыря в родной дом в подавляющем большинстве текстов разработана очень подробно, по своему драматизму, пожалуй, даже превосходит сцену свадебного пира и является как бы вторым кульминационным пунктом в былине. Мать не сразу узнает своего сына во всаднике, приехавшем из «чиста поля». Обычая его «голью кабацкой», «невежей» и даже «Идолищем поганым», она гонит Добрыню прочь со двора. В лучших вариантах всех пудожских редакций далее следует такой диалог:

279 — Ай удалый добрый молодец!
Не такой Добрынюшка отпущен он
Во тую ли путь богатырскую,
Во тую поездку молодецкую,
Его личико было белоё,
Платьицо на нём цветноё,
Сапожки на ножках сафьянныи,
Шляпа была пуховая.
Отвечат Добрыня Микитинич:
— Уж ты свет добра да моя матушка!
Во тый пути богатырскии
Сапожки о стрёмена вытерло,
Цветноё платьице слёржано,
Пуховую шляпу дождями повысекло,
Личико жарамы зажарило.
(Г., 206)

Нередко в разговоре фигурируют «платьица лосиные, звериные», заменившие в походе «платье цветное».

Узнавание Добрыни по особым приметам — неизменная деталь почти всех пудожских текстов. Чаще всего мать узнает сына по «родимой знадебке», «переложинике» на голове и т. п., иногда — по именованному перстню и кресту. Необычно развиваются события в вариантах П. Логинова (С.—Ч., 39) и М. Мякишева (С.—Ч., 45). Так и не узнавший матерью, Добрыня выходит из дома и говорит коню:

233 — Уж ты, волчья выть да травяной мешок,
А как уж ездили да во цнстом поли,
А не слышал ты словечушка гладкого,
А не видал ты от меня обеда сладкого,
А приехали мы ко своей ко родной ко матушке,
А не услышали словечушка глადкого,
А не увидели обеда мы сладкого!
(С.—Ч., 45)

Подслушав этот разговор, мать узнала сына.

В подавляющем большинстве пудожских вариантов¹⁸, как и на Кенозере, сватовство Алеши носит отнюдь не мирный характер. Жених (или помогающий ему князь Владимир) предупреждает Настасью: «Ты добром не идёшь — так мы силóm возьмём». Некоторые сказители конкретизируют эту угрозу: «отдадим... во землю Литовскую за мурзу-татарина» (А. Сорокин — Р., 129), «срубим голову» (Ф. Конашков — С.—Ч., 82), «постригу во старницы» (Г. Амосов — Р., 155).

Среди пудожских редакций былины наибольшим своеобразием отличается прохоровская¹⁹, в которой традиционный сюжет осложнен боем Добрыни с Алешей. Богатырей разнимает подыхавший из Киева Илья Муромец, он мирит их и заставляет поменяться крестами друг с другом. Вскоре крестовые братья отправляются против татар, Добрыня уничтожает вражеское войско и едет ко синю морю «корить языки неверные». Далее события разворачиваются в обычном порядке: Алеша возвращается в Киев, распускает слух о смерти Добрыни, сватается к Настасье и т. д. Из характерных для этой редакции деталей можно отметить следующие: весть о готовящейся свадьбе Добрыне приносят голуби; богатырь в это время играет в шахматы, с досады он вдребезги разбивает шахматную доску; на пир Добрыня является в виде «скóрой ма́лой смелой скоморошины»; Алешу он «чествует» плетью, после чего тот уезжает из Киева.

В былинах Никифора Прохорова и его учеников²⁰, в отличие от других пудожских редакций, социальные мотивы приглушены, Владимиру отведена эпизодическая роль. Сказители лишь мимоходом упоминают, что князь сватает Настасью за Алешу и сидит во главе свадебного стола; инициатором сватовства, а следовательно и главным «ответчиком» является Алеша.

Особую редакцию составляют водлозерские варианты «Добрыни и Алеши»²¹. Они выделяются среди всех онего-каргопольских записей ярко выраженной антикняжеской направленностью, кроме того в них гораздо более активную позицию занимает жена Добрыни Настасья Никулична. Когда Алеша приносит весть о мнимой смерти Добрыни и

¹⁸ Исключение составляет прохоровская редакция, а также некоторые тексты, испытавшие влияние заонежно-повенецкой традиции (см. об этом ниже).

¹⁹ Название это, разумеется, условное, ибо у нас нет оснований утверждать, что именно Н. Прохорову принадлежит данная обработка сюжета (он мог усвоить былинку уже в таком виде).

²⁰ К данной редакции относятся варианты Н. Прохорова (Г., 49), Г. Якушова (С.—Ч., 12), И. Фофанова (П.—С., 22), С. Башкирова — начало былины (С.—Ч., 42), О. Фофановой (ПИЯЛИ, к. 21, № 108).

²¹ Т. Суханов (Г., 206), М. Нигозёркин (Г., 217), И. Захаров (Г., 198), Н. Антонов (С.—Ч., 185), П. Сухов (С.—Ч., 167), А. Коломаева (Аст., 172), А. Митрофанова (ПИЯЛИ, к. 8, № 290), С. Панов (Г., 211) — вариант полностью собирателем не записан, А. Крехова (С.—Ч., 187) — дефектный текст, Д. Фокина (С.—Ч., 189) — дефектный текст, Д. Подомарева (С.—Ч., 179) — отрывок.

сватается, Настасья не только отказывает непрошенному жениху, но и в резких выражениях обвиняет его во лжи:

145 Уж ты не был вчера во чистом поле,
Уж ты ездил где-нибудь с собаками на задворках.²²

Обиженный Алеша просит помощи у Владимира, обещая ему за это верную службу. Используя свою власть, князь принимает крутые меры к несговорчивой Настасье:

195 Сделаю указы мы грозныи,
По первому городу по Киеву,
По другому городу Чернигову,
По третьему городу Смолыгину:
Не держать бы жон безмужних,
Не держать удовок беспашпортных.²³

Посланные князем «стражи немилостливы» выгоняют вдов из городов; женщины идут с жалобой к матери и жене Добрыни, и Настасья только из сострадания к ним решается нарушить заповедь мужа. В некоторых вариантах угроза Владимира формулируется по-иному:

151 Молода Настасьюшка Викулична,
Нейдёшь за Олёшу во замужество,
Я возьму тебе на свой да дом работницей,
На реку да я поставлю портомойницей,
Я во хлев тебя поставлю коровницей.²⁴

В полном соответствии с логикой событий Добрыня в заключительной сцене гневно упрекает князя, напоминая ему о своих воинских заслугах перед Киевом. В одном варианте он даже готов физически расправиться с князем — поколотив Алешу, Добрыня говорит:

410 Чёго ты стоишь князь со княгиною,
Чего ты стоишь да того же ждёшь,
Пусть тебе приуважено:
Моему-то батюшку крестовой брат.
(Т. Суханов).

В волозерской редакции устойчив по вариантам такой мотив: богатырский конь Добрыни не ест, не пьёт, бьёт копытом о сыру землю, часто будит хозяина; тот спрашивает о причине беспокойства и узнает, что Настасья пошла замуж за Алешу. Конь-вестник фигурирует и в ряде других пудожских записей. На Кенозере и в Каргополье этот мотив не встречается, а в повенеcko-заонежских былинах редок²⁵ и

²² Вариант А. Коломаевой. То же в текстах Т. Суханова, М. Нигозёркина, С. Панова. В других олонечских былинах этот мотив нам не встретился.

²³ Вариант Т. Суханова. То же в текстах С. Панова, М. Нигозёркина и Н. Антонова.

²⁴ Вариант А. Коломаевой. То же в былинке И. Захарова. Данной формулы, как и предыдущей, мы не обнаружили у других сказителей Онего-Каргопольского края.

²⁵ П. Калинин (Г., 5), А. Чуков (Р., 26; Г., 49), А. Сарафанов (Г., 107).

передается иначе: конь спотыкается, Добрыня спрашивает его и т. д. Для водлозерских текстов характерны две формулы: Добрыня развлекает пирующих игрой на гусях, сидя «на печи, печи да на печном столбѣ»; перед сватовством в доме Добрыни «дверь на пяташку отворяется, сын Олешенька во палатушку пехается».

В пудожских записях нет близких параллелей к былине В. Суханова из д. Пильмасозера (Г., 215), но зато она во многом тождественна вариантам кенозерских сказителей И. П. Сивцева-Поромского (Р., 178; Г., 222), П. Воинова (Г., 228), И. Калитина (С.—Ч., 249), а также каргопольских певцов Латышова (Р., 200), калики из Красной Ляги (Р., 192) и Н. Швецова с р. Моши (Г., 306). Эти тексты представляют большой интерес как свидетельство широкого географического распространения своеобразной редакции популярного сюжета, которая в процессе длительного устного бытования сохранилась почти неизменной. От д. Орьма, где жил Н. Швецов, до д. Пильмасозера — родины В. Суханова — даже кратчайшим путем не менее 300 километров, и в этих удаленных друг от друга точках Гильфердингу встретились почти идентичные варианты.

Другие пудожские редакции «Добрыни и Алеши» не так специфичны, как рассмотренные выше. Тексты, записанные в устье Шалы, на Пудожском берегу, в районе Нигижмы, на Купецком озере (кроме относящихся к прохоровской редакции) имеют немало общих элементов с былинами из Заонежья и Повенца; варианты сказителей центральной и восточной Пудогги ближе к кенозерским. Некоторые тексты переходного типа служат как бы «мостиками» от одной редакции к другой. Например, А. Никонова с Пудожского берега (Аст., 180) поначалу ни в чем не отступает от местной традиции. Но во второй половине ее былины появляются черты, свойственные заонежско-повенецким редакциям и не характерные для пудожских: вещей конь Добрыни, чужа недоброе, «подтыкается»; нет сцены узнавания Добрыни матерью — герой называет себя крестовым братом ее сына.

Некоторые элементы, типичные для заонежских вариантов этой былины, находим также в текстах А. Фадеевой (П.—С., 55) и А. Тимониной (ПИЯЛИ, к. 8, № 99) с Купецкого озера, А. Корешковой (Аст., 184) с Пудожского берега. Былина, записанная на Салмозере от Е. Коковой (ПИЯЛИ, к. 2, № 3), связана с кенозерскими редакциями (о предстоящей свадьбе Добрыне рассказывает Илья Муромец, употреблена формула «во óхканье не слышно бұхканья» и т. д.).

Таким образом, несмотря на отдельные привнесения (их число гораздо меньше, чем можно было ожидать) пудожские варианты «Добрыни и Алеши» тесно связаны с местной традицией, отличаются от заонежско-повенецких и кенозерско-каргопольских редакций более

глубокой разработкой некоторых эпизодов и образов, а также целым рядом менее существенных особенностей.

К особому композиционному типу принадлежат также пудожские варианты былины «Илья и Соловей-разбойник», представляющие собой развернутые эпические произведения с усложненной сюжетной схемой. Столкновение богатыря с Соловьем-разбойником, как правило, отодвигается к середине повествования, ему предшествуют другие подвиги Ильи (освобождение осажденного врагами русского города, преодоление трех застав на пути в Киев), рассказ о которых изобилует живописными подробностями. Кроме того, на Пудоге выработались местные редакции былин «Добрыня и Змей», «Илья и Сокольник», «Илья и Идолище», «Илья и Калин», «Ссора Ильи с Владимиром», «Три поездки Ильи», «Наезд литовцев», «Соломон и Василий Окулович», «Чурила и Катерина», «Василий Буслаевич», «Дюк», «Сухман», «Иван Годинович».

До сих пор мы акцентировали внимание на своеобразных чертах пудожских былин, стремились выявить и подчеркнуть присущие им особенности. Но нельзя, конечно, обойти молчанием и то, что эпическая поэзия Пудоги имеет много общего с традицией смежных районов. В основном тождественны, например, варианты былин «Дунай», «Добрыня и Маринка», «Королевици из Крякова», записанные в разных концах Олонецкого края. Незначительны расхождения в таких былинах, как «Хотен Блудович», «Вольга и Микла», «Ставр Годинович»; некоторые редакции сюжетов оказываются общими для всех (или почти для всех) районов Онего-Каргопольщины.

В этом нет ничего удивительного. Эволюция местной былинной традиции — процесс длительный и сложный, во многом противоречивый. Одни факторы экономической и культурной жизни Севера способствовали обособлению эпических репертуаров отдельных областей, районов и даже групп деревень, другие создавали благоприятные условия для их взаимовлияния и постепенного сближения. Мы не будем рассматривать данную проблему в полном объеме, это уведет далеко в сторону от избранной темы. Хотелось бы только подчеркнуть, что заимствования из эпической традиции соседних районов далеко не всегда и не везде играли решающую роль. В частности, местные пудожские редакции и версии былин на протяжении последнего столетия обнаружили поразительную устойчивость. Новые поколения сказителей, как правило, наследовали эпический багаж своих отцов и дедов, односельчан или жителей соседних деревень. Случаи заимствования былин от захожих людей или на стороне, которые подтверждаются данными текстологического анализа, крайне редки.

Причины такой приверженности певцов местной традиции во многом объясняются самим характером процесса усвоения былин. Вряд

ли возможно с одного раза запомнить новый сюжет во всех деталях, — даже если сказитель обладает феноменальной памятью, ему надо, по крайней мере, несколько раз прослушать былину в той же редакции²⁶. Самые благоприятные условия для этого — в семье, в родном селе, где люди постоянно общаются друг с другом; на лесоразработках или на рыбной ловле, где рядом трудятся жители соседних деревень.

Молва о высоком исполнительском мастерстве таких классиков русского эпоса, как Трофим Рябинин или Никифор Прохоров (Утица), распространилась чуть ли не по всему Прионежью. Но своеобразные изводы былин, которые они пели, практически не вышли за пределы местной традиции (исключая, разумеется, заимствования через книгу). Многочисленные ученики Утицы жили на крохотном (по северным меркам) «пяточке» — в нескольких деревнях по берегам Купецкого озера. Известно, что А. Ф. Гильфердинг записывал былины от Прохорова не в его родной деревне, а в Марнаволоке. Тем не менее в текстах марнаволоцких сказителей мы не обнаружили сколько-нибудь заметных следов прохоровских вариантов.

Можно привести еще один характерный пример. П. Н. Рыбников писал в своей «Заметке собирателя»: «От Сорокина я разведал про замечательных певцов в Водлозере, на Кенозере и в других местностях Пудожского уезда»²⁷. Вероятно, Андрей Сорокин слышал былины водлозерцев и кенозерцев, но на его вариантах это, по существу, не отразилось: они остаются в русле местной традиции.²⁸ Повторные записи показывают, что и другие известные олонечские сказители, как правило, твердо придерживались своих первоначальных текстов, хотя можно не сомневаться в том, что они не раз встречались с певцами из соседних районов.

Число заимствований резко возросло в советское время, но подавляющее большинство таких текстов восходит к книжным источникам. В этом нетрудно убедиться, если известны характерные особенности местных редакций того или иного сюжета. В былинах, явно выходящих

²⁶ Заонежский сказитель П. И. Рябинин-Андреев заявил собирателям, что былину «Добрыня и Василий Казимирович» он усвоил буквально на лету: «Я с одного раза понял. Папаша пропел мне раз, когда было мне десять лет. Я сказал: «Спою». Пропел.» (С.—Ч., 449). На наш взгляд, в словах П. Рябинина больше рисовки, чем истины. Вряд ли возможно с одного раза запомнить целую поэму, насчитывающую более 1000 стихов, и запомнить с такой точностью, что без тончайшего анализа трудно отличить текст ученика от текста учителя (П. Рябинин почти дословно повторяет вариант своего знаменитого прадеда Т. Г. Рябинина, от отца П. Рябинина эта былина подностью не записана). Наверняка сын и до этого случая многократно слышал былину в исполнении отца, постепенно усваивая ее по частям.

²⁷ Р., т. I, стр. LXXXVII.

²⁸ Об этом свидетельствуют, в частности, записи от А. Портнягина из д. Старое Сивого — соседней с Ченежами, родиной А. Сорокина. Былины Портнягина (ПИЯЛИ, к. 17, №№ 92, 96, 97) явно родственны по происхождению сорокинским, но не связаны с ними непосредственно.

за рамки местной традиции, очень часто обнаруживаются буквальные совпадения с текстами, ранее записанными в Поморье, Западной Сибири, на Северной Двине и других далеких от Пудоги районах. Показательно, что совпадения эти касаются не только общей сюжетной схемы, но и редких, а то и уникальных деталей. Причем предполагаемым источником заимствования почти всегда оказывается какой-либо классический вариант, неоднократно печатавшийся в популярных изданиях.

Особенно часто обращались к публикациям былин пудожане А. Пашкова, Н. Кигачев, Е. Алексеева — большие любители чтения²⁹. Следы книжного влияния заметны и в творчестве некоторых неграмотных сказителей — Г. Якушова, Ф. Конашкова, И. Фофанова, Ф. Барановой³⁰. Однако следует еще раз подчеркнуть, что сказанное выше относится лишь к позднейшему периоду бытования эпоса, когда в результате культурной революции грамотность стала явлением массовым и сельские жители получили широкий доступ к книге.

Таким образом, былинная поэзия Пудоги, оставаясь в русле общерусской и, в частности, олонецкой традиции, характеризуется целым рядом особенностей, существенно дополняет общую картину состояния эпоса в Онего-Каргопольском крае. Об этом свидетельствует известное своеобразие эпического репертуара Пудоги, наличие местных версий и редакций многих былинных сюжетов, обилие архаичных элементов, не сохранившихся в соседних районах. Поэтому вряд ли справедливо считать, что пудожская традиция сформировалась сравнительно поздно и еще в конце XIX века не имела «никакой определенной физиономии»³¹. Такой вывод подтверждается и материалами смежных с былинами жанров — исторических песен, древнейших баллад и духовных стихов. Несмотря на то, что их тексты гораздо стандартнее былинных, и здесь выработались местные редакции отдельных сюжетов.

Хотя экономические и культурные связи Пудоги с сопредельными районами были достаточно прочными, устные заимствования былин у

²⁹ Некоторые книжные элементы в былинах А. Пашковой и Н. Кигачева отмечены Г. Н. Парилковой и А. Д. Соимоновым (см. П.—С., стр. 461—472, 488—495). Прделанный нами текстологический анализ показывает, что книжное влияние сказалось на творчестве этих певцов гораздо сильнее, чем принято считать. Рагозерская сказительница Е. Алексеева, с которой встретились участники экспедиции МГУ 1957 года, спела былины «Илья и Соловей» и «Илья и Калин» (т. 1, №№ 21, 22), генетическая связь которых с текстами из сборника Кириши Данилова не вызывает сомнений. От нее же записана редкая в Олонецком крае историческая песня «Сынок Стенки Разина» (т. 1, № 25), почти слово в слово повторяющая известный вариант водлозерского сказителя И. Захарова (Г., 203).

³⁰ См., например, былины Г. Якушова «Василий Игнатьевич и Батыга» (С.—Ч., 14), Ф. Конашкова — «Вольга и Микула» (Лин., 11), «Василий Игнатьевич и Батыга» (С.—Ч., 83; Лин., 9), И. Фофанова — «Илья и Сокольник» (П.—С., 19), «Добрыня и Змей» (П.—С., 21; ПИЯЛИ, к. 8, № 29). Сильное влияние книжных источников чувствуется также в былинах «Добрыня и Алеша» и «Илья и Сокольник», записанных в 1960 году экспедицией МГУ от водлозерки Ф. Барановой (т. 8, №№ 21, 25).

³¹ См. об этом: Г., т. I, стр. 62; С.—Ч., стр. 55—56.

соседей не играли сколько-нибудь заметной роли на протяжении последнего столетия. Сказители Пудогги, как, впрочем, и других районов Олонецкого края, в основном усваивали и развивали местную эпическую традицию.

Вильнюсский
пединститут

Октябрь, 1971 г.

EPINĖ PUDOGOS KRAŠTO TRADICIJA

J. NOVIKOVAS

Re z i u m ė

Straipsnyje tyrinėjamos Pudogos—vieno stambiausių rusų liaudies epinės poezijos plitimo centrų—epinės poezijos ypatybės. Pagrindinis dėmesys skiriamas bylinų tekstams, užrašytiems čia per pastarąjį šimtmetį.

Lyginamoji analizė rodo, jog epinis Pudogos repertuaras yra gana savitas, jame nemaža retų siužetų. Vietiniai dainininkai sukūrė savitas daugelio bylinų siužetų versijas ir redakcijas, originalų epinio pasakojimo stilių, jų tekstuose randama nemaža archaiškų motyvų ir detalių. Per paskutinį šimtmetį retai tebuvo skolinamasi iš epinio kaimyninių rajonų repertuaro, vietinė tradicija pranoko kaimynų įtakas.

Turėdamas omenyje šias aplinkybes, autorius mano, kad Pudogos epinė tradicija gana archaiška ir savita ir kad reikia peržiūrėti nusistovėjusią nuomonę apie jos vėlyvą formavimąsi.

THE EPIC TRADITION OF PUDOGA

Y. NOVIKOV

S u m m a r y

The article deals with the epic tradition of Pudoga— one of the most significant regions where the Russian popular epic poetry is current. The author's attention focuses on the texts of *byliny*, which had been recorded here during the last century.

The comparison of these records with the ones from the neighbouring regions shows that the epic repertoire of Pudoga is highly original and it contains a number of rare song plots. Local singers elaborated peculiar versions and wordings of many song plots and original diction, moreover, there are not a few archaic motifs and minutiae in their texts. During the last century borrowings and adoptions from the epic repertoires of neighbouring regions were rare, local tradition prevailed over the neighbours' influence.

In view of these circumstances the author supposes that the epic tradition of Pudoga is rather archaic and original and that the current belief in its recent rise stands in need of revision.